

Л.В. Кальмина

В ПОИСКАХ «НАЦИОНАЛЬНОЙ» ИДЕИ. РЕЦ.: НАМ И.В. НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА НА ИСТОРИЧЕСКОМ ПЕРЕЛОМЕ (1917–1922 гг.).**Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 500 с. 300 экз.**

Не будет преувеличением сказать, что эту работу ждали. Не сгущу краски заявлением, что она появилась именно тогда, когда ее ждали. «Национальный вопрос», обреченный на вечность в этнически гетерогенном государстве, приобретает еще большую остроту в распавшейся империи. Резко возросшая интенсивность миграционных процессов, формирование этнических групп в иноязычном окружении, факты их неприятия и массовые случаи неизбежного в условиях политической и экономической нестабильности девиантного этнического поведения, крайним проявлением которого становится этнический экстремизм, необходимость воспитания национальной терпимости у населения делают своевременным и общественно значимым исторический опыт конструирования полиэтнического сообщества, тем более в период социальных потрясений.

История этнических меньшинств, живущих за пределами «своей» территории, долгое время была, по меткому выражению иркутского историка Б.С. Шостаковича, «маргинальным приложением» к основному, «магистральному» направлению истории. Эстафета традиционного изучения дореволюционными исследователями исключительно аборигенного населения (в частности, Сибири), была подхвачена советской исторической наукой, определившей в качестве приоритетного объекта исследования «государствообразующие» этносы при практически полном забвении других «составляющих» населения того или иного административного образования.

Постсоветская история открыла шлюзы для изучения этнических групп, волею судеб оказавшихся вдали от своего этнического «очага». Процесс «единства и борьбы» двух неизбежно переживаемых ими противоположных процессов – инкорпорации в принимающий социум при непрекращающихся попытках сохранения собственного этнического мироощущения – захватил научное сообщество. «Залповый выброс» исследований о разных этнических и конфессиональных группах, в целях самосохранения принимающих чужие правила игры и одновременно громко заявляющих о наличии собственного «я», еще ждет анализа историков науки.

Сибирь не стала (да и не могла стать) исключением. Веками формировавшееся политэтническое сообщество предоставило благодатную почву для исследования путей и тенденций его образования и принципов совместного бытия разных народов – носителей огромного многообразия культур и традиций. 2000-е гг. обогатили историческую науку серьезными теоретическими концепциями сущности и этапов развития диаспоры и значительным массивом конкретных исторических исследований, посвященных локальным этническим группам в различные исторические периоды (как правило, дореволюционный или постсоветский).

Монография И.В. Нам выбивается из общего ряда. Впервые предпринята попытка комплексного исследования национальных меньшинств как объектов этнической политики череды сменяющих друг друга правительств и одновременно субъектов движения за национальное самосохранение и право определения собственного правового статуса как национально-культурной общности на обширной территории от Урала до Тихого океана в один из сложнейших периодов российской истории – революции и Гражданской войны.

Автор занимается данной проблемой более четверти века. Материалы 123 фондов 16 архивов и более 200 наименований газет, впервые введенные ею в научный оборот, позволили из рассеянных по разным хранилищам фрагментов воссоздать целостную картину поиска разнородным сибирским обществом оптимальной концепции «национальной» жизни, предоставляющей возможность всестороннего развития каждому этносу, в период ожесточенной борьбы за власть. Не придавая «национальному вопросу» самостоятельной ценности, общероссийские партии тем не менее прекрасно отдавали себе отчет в том, что без предложений его решения на пике политической борьбы – времени, когда каждая политическая сила получает наилучшую возможность заявить о себе, – их программа действий будет неполноценной, а национальные меньшинства как потенциальные союзники – потеряны. Именно в условиях революции и Гражданской войны, когда национально-персональная автономия стала важным элементом политического сознания и программным положе-

нием большинства политических партий и национальных движений в России, национальные меньшинства получили шанс осуществления своих культурно-автономистских притязаний

Лейтмотив исследования автора – анализ и систематизация альтернативных большевикам программ различных политических сил по реализации права на культурно-национальное развитие народов, оказавшихся в положении этнического меньшинства. Провозгласив равенство всех народов основой своей национальной политики, советская власть в качестве «ответного жеста» потребовала от национальных сообществ безусловного признания ее патерналистской роли – разделения ими идеи тотального контроля советским государством национальной жизни и примирения с ролью лишь объекта национальной политики, без права голоса в решении собственной судьбы. Однако этнические сообщества «отеческой» заботе государства предпочли идею национально-культурной (национально-персональной) автономии, рассматривавшей сам народ как правоспособное лицо и предоставлявшей ему как субъекту национальной политики право на самоорганизацию и саморазвитие. Анализируя суть идеи, разработанной австрийской социал-демократией и получившей дальнейшую разработку в программах ряда партий, прежде всего социал-демократической партии Бунд, И.В. Нам выделяет три главных ее признака: персонализм, т.е. принцип добровольной этнической самоидентификации; экстерриториальность, позволяющую удовлетворить национальные интересы, не нарушая территориальной целостности государств; признание национальных сообществ коллективными субъектами права, единственно правомочными с точки зрения представительства национальных интересов (С. 37). Именно НПА, идею которой отстаивали национальные организации, была, по их мнению (и, как нам представляется, не без оснований) лучшим способом обеспечения свободного национального развития любого этноса вне зависимости от его численности и территории проживания, поскольку статус носителя национальных прав предоставлялся нации, а не территории.

Проблема изучения национально-персональной автономии, впервые поставленная автором монографии еще в начале 1980-х гг., получила поистине революционное звучание. Обнаруженные ею и опубликованные в середине 1990-х гг. программные документы ряда партий, многие из которых вошли в рецензируемую монографию, дали начало новому направлению в исторической науке – ретроспективному осмыслению нацио-

нального вопроса в стратегии действий всей многообразной палитры политических сил. Исторические изыскания и теоретические разработки И.В. Нам оказались востребованы государственной властью при разработке Федерального закона «О национально-культурной автономии» (1996 г.).

Опираясь на широкий массив источников, автор реконструирует многоплановую картину «национальной» жизни на территории обширного региона, справедливо отмечая множественность форм и интенсивность сибирского опыта нациестроительства в условиях политической нестабильности и экономической разрухи, глубоко анализируя всю амплитуду мнений партий и движений по национальному вопросу – от предоставления самых широких прав этносам в определении собственной «национальной» судьбы до в конечном итоге возобладавшей политики национально-нивелирования, на долгие годы свернувшей национальное движение и в значительной степени стеревшей национальную память. Автор шаг за шагом убедительно показывает процесс «проверки на прочность» национальным вопросом разных политических режимов: непримиримость большевиков, наиболее радикальных в программных заявлениях, но категорически отрицающих культурно-национальную автономию как форму национального определения; деятельность сибирских областников по осуществлению НПА, метания Колчака между идеологией «единства и неделимости» и необходимостью сохранения демократического «лица» в этнической политике; уникальность опыта национального строительства в Дальневосточной республике, конституция которой впервые в мировой практике предоставила национальным меньшинствам право на культурно-национальную автономию. Политика Министерства по национальным делам ДВР, определившего практическую реализацию культурно-национальной автономии в числе своих приоритетных задач, впервые получила детальный анализ в рецензируемой работе. В условиях Гражданской войны, японской интервенции и общей хозяйственной разрухи министерство, не имевшее аналогов в истории, проводило совещания национальных меньшинств с участием представителей органов национального самоуправления, создавало областные национальные отделы, передавало в их ведение национальные школы, разрабатывало проект закона о национально-культурной автономии, который до замены руководства министерства коммунистами – противниками концепции НКА – имел все шансы на практическую реализацию (С. 388–396).

В монографии И.В. Нам последовательно показаны все этапы эволюции этнического самосознания национальных меньшинств – от борьбы за сохранение этнической идентичности в условиях дисперсного расселения и отрыва от этнического «очага» до ощущения самодостаточности в определении задач национального самосохранения и способов их решения, всплески этнической активности, закономерные для периода революционных потрясений, надежды и

разочарования, драматизм раскола по классовому принципу, оттолкнувшего лидеров национальных движений от советской власти.

Я искренне порадовалась за автора, создавшего серьезную, глубокую, научно обоснованную и в то же время захватывающе интересную работу. Порадовалась и за научное сообщество, которому предстоит удовольствие ее прочтения, осмысления и научного использования.